

[Максим Поташёв](#)

Почему Холмс

Бизнесмен Максим Поташёв —
о новой волне популярности лондонского детектива
30 марта 2012, 12:00

Согласно Книге рекордов Гиннесса, Шерлок Холмс не имеет себе равных среди литературных персонажей по количеству экранных воплощений. Ближайший из конкурентов, граф Дракула, значительно отстаёт. Однако пик востребованности великого детектива у кинематографистов пришёлся на 40-е годы прошлого века. После этого новый Холмс появлялся на экране примерно раз в три года. И вдруг — новый всплеск популярности лондонского детектива. За последние два года уже вышли в свет два полнометражных фильма Гая Ричи с Робертом Дауни-младшим в роли Холмса и два сезона английского сериала «Шерлок» с Бенедиктом Камбербэтчем. Не отстаёт и отечественный производитель — в конце года нас ожидает новый сериал с Игорем Петренко в главной роли и Андреем Паниным в роли доктора Уотсона. Ещё один свежий подарок для поклонников Холмсианы — недавно вышедший роман англичанина Энтони Горовица «Дом шёлка». Хотя это далеко не

первая попытка дополнить историю Холмса новыми расследованиями, «Дом шёлка» интересен тем, что именно Горовицу наследники Артура Конан Дойла дали на это официальное разрешение.

Горовиц вполне оправдал высокое доверие. О литературных достоинствах «Дома шёлка» можно спорить, но нет сомнений, что автор очень старался отнестись к канону максимально бережно и потратил много усилий на то, чтобы сохранить интонацию Конан Дойла. А вот авторы киновоплощений явно стремились к противоположной цели. В фильмах Ричи, снятых в жанре паропанк, Холмс сильно осовременен. Создатели сериала «Шерлок» пошли ещё дальше, перенесли действие в наше время. Изменился не только антураж, образ главного героя тоже претерпел значительные метаморфозы. Канонический Холмс зачастую склонен к асоциальному поведению, он нарушает нормы и правила приличия, но на фоне Холмсов XXI века выглядит образцовым джентльменом викторианской эпохи. Персонажи Дауни-младшего и Камбербэтча — неврастеники с неясной сексуальной ориентацией, зачастую предпочитающие сначала действовать, а потом уже думать. Но в какие бы личины ни рядился великий сыщик, какие бы приметы века ни проглядывали сквозь эти маски, неизменным остаётся главное — его миссия. Холмс — защитник обиженных, бескомпромиссный борец со злом. Он — чёткий нравственный ориентир, по которому можно сверять всё более и более размывающиеся представления о том, что такое добро и что такое зло. Сейчас это нужно всем, и нужно, как никогда раньше.

Почему именно он? Разве мало на киноэкране супергероев, защищающих идеалы добра? Да, таких, как Холмс, мало или нет вовсе. В чём же его уникальность? Во-первых, Холмс вне политики. В 1914 году, когда пламенный патриот Конан Дойл в возрасте 55 лет решил пойти добровольцем на фронт, его герой тоже не мог остаться в стороне и занялся ловлей немецких шпионов. Но это исключение из правила. Обычно всё, что касается политики, Холмс оставляет на откуп брату и, даже выполняя поручения коронованных особ, просто решает свои

любимые логические задачи. Во-вторых, Холмс реалистичен. Он противостоит не inferнальному злу, а вполне обычным людям, преступившим моральный закон. Его главный антагонист профессор Мориарти — фигура демоническая, но не сверхъестественная, суперзлодеем его делают изощренный преступный ум и полное отсутствие совести. И сам Холмс не обладает сверхчеловеческими способностями и магическими артефактами, он вооружён лишь логикой, наблюдательностью, терпением и моральной правотой. При этом он не просто защитник закона. Принцип Жеглова «вор должен сидеть в тюрьме» — не для Холмса. Заслуживает ли преступник наказания, он решает сам и порой предпочитает оставить его наедине с собственной совестью, а не сдать полиции. Он не боится принять решение и взять на себя ответственность, когда дело касается людских судеб. И ни разу у читателя и зрителя не возникает сомнений в справедливости его решений. Именно поэтому Холмс раз за разом становится последней надеждой тех, кому некуда больше обратиться в поисках справедливости. И он не подводит.

XX век закалил человечество, выработал у нас иммунитет. Мы привыкли жить на грани катастрофы и уже не воспринимаем это как что-то экстраординарное. Локальные войны, грозящие в любой момент перерасти в глобальную войну, финансовые кризисы, угрожающие всей мировой финансовой системе, стихийные бедствия, экологические катаклизмы... Мы не тревожимся по этим поводам ежеминутно, защитные механизмы психики загоняют тревогу в глубины подсознания. Но она не может не прорываться наружу. Мода на Холмса — отражение наших подсознательных страхов и сомнений в справедливости этого мира.